

А.В. УРМАНОВ
профессор кафедры русского языка и литературы
БГПУ

**ПЬЕСА ФЁДОРА ЧУДАКОВА «ИЗГНАННИКИ
(КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ В ССЫЛКЕ)» В КОНТЕКСТЕ
ЕГО ЖИЗНЕННОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ¹**

Драма «Изгнанники» – единственная многоактная пьеса Фёдора Чудакова, однако это не означает, что его интерес к драматургии имел случайный или непостоянный характер. На протяжении всего своего непродолжительного (десятилетнего) творческого пути писатель проявлял интерес к театру, к театральной жизни, к драматическим произведениям своих современников и предшественников, к художественным возможностям драматических жанровых форм. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные газетные рецензии Чудакова на спектакли, сатирические стихи и фельетоны на театральные темы: «Что думает антрепренёр, когда ему не спится» (1909), «На тему дня» (1909), «Весёлый народец!» (1909), «Слово о полку антрепренёров» (1911), «В балете» (1916) и т.д. У Чудакова имелся богатый опыт использования малых драматических форм сатирико-юмористической направленности: «Спящий красавец. *Оперетка в одном действии*» (1909), «Осмеяна-царевна. *Лиро-эпическая драма с фантастическими превращениями*» (1909), «Читатель и писатель. *Маленькая трагедия*» (1916) и др. Особая разновидность подобных произведений – пародии (сатирические ремейки) на пьесы известного русского драматурга начала XX века Евгения Николаевича Чирикова: «Колдунья. *Фантастическая пьеса в шести картинах, из коих четыре только подразумеваются*» (1909), «Царь природы. *Трагикомедия современности*»

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания: НИР № 1344 «Художественные миры русских писателей XIX–XXI веков: проблема взаимодействия общенационального и регионального культурного пространства».

(1909). Кстати, под одним из своих многочисленных псевдонимов Чудаков опубликовал статью об этом драматурге [4, с. 2].

Пьеса «Изгнанники» имеет автобиографический характер. Её действие разворачивается в той самой местности, в которой в 1907–1908 годах Ф. Чудаков отбывал енисейскую ссылку. Среди населённых пунктов, упоминаемых в драме, есть и деревня Червянка – подлинное место ссылки сатирика (ныне Чунский район Иркутской области, а в начале XX века она входила в состав Енисейской губернии). Там, в Червянке, в червянской «коммуне» живёт Бродяга – персонаж, в котором без труда угадывается автор. Если судить по иным вызывающим доверие источникам, в пьесе достаточно точно отражены подлинные факты биографии Чудакова-ссылного, подлинные реалии его сибирского быта и бытия.

О трудностях, которые довелось ему испытать в Сибири, помимо драмы «Изгнанники», даёт представление приключенческая повесть «Диана Кедровская», печатавшаяся в 1917-м на страницах газеты «Амурское эхо». Главный герой этого произведения политический ссылный Кузьма Иванович размышляет о своей незавидной участи: «<...> снова предо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять погрёки долгами...» [5. С. 2]. В биографии, составленной после смерти Чудакова журналистом Михаилом Хрисанфовичем Катаевым, енисейская ссылка – исключительно отрицательная школа жизни: «Местом ссылки на долю Ф.И. выпала Енисейская тундра. Здесь он с пятью или шестью товарищами по ссылке поселился в деревушке Червянка. Полтора года он прожил тут в чрезвычайно тяжких условиях, терпя голод и холод. Тамошние крестьяне, для которых ссылные рубили, пилили, кололи и вывозили из леса дрова, платили всего по 10 копеек в день за каторжный труд. Более слабые умирали. Ф.И. тоже едва не умер от тифа...» [7, с. 18].

Всё это так, однако Сибирь для Чудакова стала не только местом физических лишений и моральных страданий: она была суровой, но много давшей ему жизненной школой, закалившей его характер, проверившей на прочность его мировоззрение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова автобиографического персонажа повести «Диана Кедровская»: «Я прошёл суровую школу испытаний. Я закалил свою волю, как стальную пластинку; её можно было сломать, но её нельзя было согнуть без того, чтобы она не выпрямилась снова» [6, с. 2]. В этом отношении от енисейского ссыльного Кузьмы Ивановича мало чем отличается автобиографический персонаж пьесы «Изгнанники» Бродяга. В отличие от большинства товарищей по ссылке, Бродяга никогда не унывает и не жалуется, демонстрируя бодрость духа и уверенность в собственных силах. «Ссылка? Велика важность! – заявляет он. – ...Не хвастаясь, скажу, что о самоубийстве не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь – это я! А я сам себе хозяин. Значит, плюю я на какую-то там отвлечённую, выдуманную, злобную старушонку, именуемую в философии жизнью. Я – как гоголевский Каленик – сам себе голова!» [3, с. 19].

Ссылка дала Чудакову бесценный запас жизненных впечатлений, питавших его творчество. Ссылка, возможно, и сделала его писателем, предопределила дальнейший путь. Именно в ссылке он стал посвящать буквально каждую свободную минуту сочинительству. Именно в этот период литературное творчество стало осознаваться им как призвание. Один из персонажей «Изгнанников» Антон читает вслух присланное из Червянки письмо Бродяги, из которого товарищи по ссылке узнают о новом его увлечении: «...Я ведь литератором стал, леший меня задави! Братцы вы мои милые, простите ли вы меня? Смертный грех принял я на душу: послал в “Радугу” стишонки и – увы! – их напечатали! Думали ли вы, читая вдохновенные вирши некоего Мильтиада в № 54, что сие изобразил аз многогрешный?.. Теперь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: “Участь моя решена – я женюсь”. Женюсь на музе и в

приданое беру славу... Теперь каждый вечер ловлю за хвост рифмы и распиная их на бумаге. Бумаги перепортил, други мои, преогромное количество. Скоро придётся писать на бересте... А рифмы, братцы, из меня так и лезут, так и прут, как тараканы из-за печки. Прут и орут: “Меня возьми, меня, нет, меня”. Рычат, дерутся. Пока не скомандуешь им: “Смирно, чёрт вас возьми, по местам!”, – ни одного порядочного четверостишия не изобразишь. А прикрикнешь – ничего, присмирят, паиньки такие» [3, с. 58, 59–60]. Судя по этому признанию автобиографического персонажа, в период енисейской ссылки какие-то из произведений Чудакова, в том числе и лирические, стали печататься (очевидно, под псевдонимами) в эсеровской периодике. Но где и под какими псевдонимами – пока не установлено. Возможно, часть этих произведений вошла в поэтический сборник «Пережитое», изданный уже в Благовещенске в 1909 году [1].

Время работы над пьесой «Изгнанники» тоже неизвестно. Ни автор (Фёдор Чудаков), ни издатель (его родной брат Дмитрий) произведение не датировали. В последнем, 7-м номере журнала «Дятел, беспартийный», вышедшем благодаря стараниям брата Дмитрия 14 (27) марта 1918 года, то есть спустя две недели после трагической смерти писателя, было напечатано следующее объявление: «“Изгнанники”, пьеса Ф.И. Чудакова, в непродолжительном времени выйдет особым выпуском и поступит в продажу» [2, с. 4]. Очевидно, к моменту самоубийства Чудакова (28 февраля по старому стилю) пьеса уже была им не только написана, но и подготовлена к печати. Предваряя обещанное книжное издание, журнал «Чайка», выходивший в Благовещенске под редакцией М.Х. Катаева с мая того же 1918 года, начал растянувшуюся на несколько месяцев публикацию «Изгнанников» (очевидно, с разрешения Дмитрия Ивановича Чудакова, получившего по завещанию авторские права). В том же 1918-м, ближе к концу года, вышло и отдельное издание пьесы [3].

Что же заставило амурского сатирика в канун большевистской революции или даже после неё обратиться к

событиям десятилетней давности? Насколько актуальным могло быть в новых исторических условиях произведение о ссыльных социалистах начала XX века? И почему брат сатирика, планировавший выпустить собрание сочинений Фёдора Чудакова, начал, в нарушение принципа хронологической последовательности, именно с пьесы «Изгнанники» (кстати, ничего другого издать ему не удалось)? Очень похоже, что он исполнял последнюю волю автора (его прощальное письмо, адресованное Дмитрию Ивановичу, не было опубликовано – за исключением небольшого фрагмента финальной части; содержание же «деловой», «распорядительной» части установить уже вряд ли удастся). Остаётся строить предположения, почему «Изгнанники» оказались столь важны для Ф.И. Чудакова в последние месяцы его жизни, отчего их публикацию он считал, судя по всему, задачей первоочередной.

Впрочем, понять это не так уж и сложно, обратившись к содержанию пьесы. В ней затрагиваются проблемы, которые Чудаков в последние месяцы жизни считал чрезвычайно важными, которые он постоянно поднимал в своей сатире этого периода [см. об этом: 8, 9]. В частности, в ней он не раз задавался вопросом, почему революционный лагерь (прежде всего социал-демократы, социалисты всех оттенков) оказался бессилён перед диктатурой малочисленной большевистской партии? Почему родственные политические силы, исповедующие близкие идеалы, имеющие сходные программы, после крушения самодержавия ни о чём не смогли договориться между собой? Отчего они занялись не решением общенациональных задач, не спасением России от грозящих ей хаоса и диктатуры, а, в основном, пустопорожной болтовнёй, бесконечными спорами по любому поводу, сведением мелких счётов и удовлетворением личных амбиций? Почему, наконец, многие представители социал-демократического, социалистического лагеря с лёгкостью отрекались от прежних идеалов, смирялись с произволом новой власти или даже перебежали в стан победителей?

Пьеса «Изгнанники» затрагивает тот же самый круг вопросов, но ответы на них автор ищет не в современности, а в прошлом. В сатире революционного времени Чудаков показывает итог – политическое и моральное банкротство российской социал-демократии образца 1917 года, а в «Изгнанниках», отступив на десять лет назад, исследует причины неготовности и неспособности социалистического лагеря взять на себя бремя социальной ответственности и утвердить демократические принципы в России, разворошённой, разломанной при деятельном участии всё тех же социал-демократов.

В центре внимания автора «Изгнанников» – тяжёлый социально-политический, мировоззренческий и, что особенно важно, ценностно-этический кризис, поразивший революционное движение ещё в начале XX века. Этот кризис, точнее – разложение, как показывает пьеса, проявляется во многом. Так, среди сосланных в Сибирь социалистов оказываются и всё более набирают силу те, кто отказался от морали, кто уподобляется уголовникам, кто действует так же, как они и даже заодно с ними. Самый выразительный пример – история Павла Лущикова, о котором заходит речь в третьем действии. Этот ссыльный в компании с двумя уголовниками готовил ограбление. Долгие годы проведенный в ссылке эсер Никита замечает, что история Лущикова – лишь «первый признак начинающегося разложения ссылки», но тут же поправляет себя: «Да первый ли? Он только ярче других, а кое-что и раньше было. Помните, Бродяга рассказывал, как в той же Червянке на маёвке один товарищ другому разбил голову прикладом ружья? А прошлогодний случай с Подбельским? – покушение на кражу денег у товарища?.. Да мало ли ещё что?» [3, с. 51].

В ответ на реплику товарища, что «героические времена ссылки уже прошли», Никита высказывает мысль, что разложение и перерождение революционного лагеря – необратимый процесс: «Я уже третий раз в ссылке и откровенно скажу, что в четвёртый раз предпочёл бы тюрьму. Ибо в четвёртый раз, я уверен, застану здесь не

только покушения на кражи, но форменную уголовщину» [3, с. 51]. Так что использование в годы революции большевиками и левыми эсерами чисто бандитских, по сути уголовных методов захвата и удержания власти (о чём Чудаков неустанно писал на рубеже 1917–1918 годов) – совершенно закономерный итог этой эволюции.

Диагноз, который автор ставит социалистическому движению, неутешителен. Среди болезней, поразивших российскую социал-демократию, – почти полное отсутствие взаимопонимания с народом. Революционные интеллигенты, выведенные в пьесе, относятся к сибирским крестьянам с нескрываемой иронией и именуют их «челдонами», то есть людьми не вполне полноценными, главным образом потому, что те не способны оценить заслуги российской интеллигенции в их будущее освобождение от оков царизма. Сибиряки-челдоны, в свою очередь, относятся к политическим ссыльным настроенно, не видя особенной разницы между ними и уголовниками. Впрочем, и сами политические, как уже отмечалось, иной раз уподобляются уголовникам. В пьесе приводится случай самосуда «челдонов» над политическим ссыльным, оказавшимся конокрадом.

Ещё одна проблема – равнодушие народа к идейной программе социал-демократов. Как констатирует меньшевик Борис, все попытки заинтересовать «челдонов» социалистическими, революционными идеями оказались «бесполезны». Но представители революционных партий не могут договориться не только с народом, но и друг с другом. По признанию Бориса, социал-демократическое «движение всегда было конгломератом отдельных групп, даже отдельных личностей». Иначе говоря, то, что проявилось особенно остро в 1917 году (и нашло отражение в сатире Чудакова этого времени), существовало и задолго до большевистского переворота.

Ещё одна проблема, которую поднимает Ф. Чудаков, – утрата ссыльными социалистами веры в исповедуемые прежде догматы, усиливающееся разочарование в прежних идеалах. Это происходит, например, с видным публицистом-

эсером Никитой, в свои пятьдесят пять лет осознавшим ошибочность избранного жизненного пути. Не сомневавшийся прежде герой теперь не в состоянии ответить на простые вопросы: «<...> зачем я жил? Зачем гнил по тюрьмам, голодал в ссылке, отказался от всех радостей жизни?» [3, с. 66]. Ссылные социалисты начинают осознавать, что настоящая жизнь проходит мимо, что они со своей партийной догматикой безвозвратно «выпали» из неё. Об этом, например, говорит молодой меньшевик Антон, обращаясь к представителю старшего поколения революционеров: «Товарищ, мы отстали от жизни... Мы дьявольски отстали от жизни. И решительно во всём» [3, с. 67]. По словам Антона, высмеивающего привязанность Никиты к партийной догматике, «жизнь мчится вперёд. Её ничем не остановишь. Сколько ни маши перед её лицом своей программой, сколько ни топай ногами, ни кричи: “Назад!” – она не остановится» [3, с. 69].

Свой путь разочарования в прежних идеалах проходит эсдек Борис, у которого от дифтерита умирает малолетний сын. В сравнении с этим пронзившим всё его существо неизбывным личным горем всё остальное, прежде всего прежняя его одержимость идеей революционного обновления мира, теперь начинает казаться бессмысленным. Зачем ему теперь «светлое будущее человечества», если он не сумел в суровых условиях ссылки сберечь, спасти самое родное существо, свою кровинку, своё главное сокровище и главный, как он теперь понимает, смысл жизни? Надрывным монологом страдающего от непереносимой душевной боли Бориса Чудаков и завершает свою пьесу: «Там, где-то далеко, далеко, гремит и сверкает жизнь. Горят огни, кипят людские страсти, грохочут машины, печатаются книги, бегут поезда, кипит борьба за жизнь... А мы здесь сидим пятеро, никому не нужных, всеми забытых людей... Нам уже перестали писать письма... нас уже забыли... забыли... Никому не нужные, лишние... выбросили нас из жизни, смяли, растоптали и отбросили в сторону... Партийные витии сейчас там ломают копыя, пишут пламенные статьи, кипят, сражаются с мельницами... а мы... мы никому не нужны... И теряется вера

во всё... и в людей, и в то дело, которому отдали всю лучшую часть жизни» [3, с. 82–83]. Вот оно – важнейшее прозрение не только страдающего героя пьесы, но и автора «Изгнанников»: для социализма как идеологии, для социалистических партий и их вождей-догматиков конкретный, живой человек с его болями и проблемами – ничто, пустое место. Социалист-революционер Чудаков обнаружил самый страшный, на его взгляд, дефект российского социал-демократического движения – пренебрежение к человеку.

Думается, в финальном монологе Бориса звучат и мысли автора, к которым он пришёл, но не в 1907-м (иначе бы эти слова произносил Бродяга), а позже, в 1917-м. Главное же разочарование Ф. Чудакова (образца 1918 года) – запоздалое осознание, что революционная борьба за свободу народа, даже кардинальное революционное переустройство страны, мира не в состоянии разрешить те проблемы, с которыми сталкивается каждый человек в своей повседневной жизни. Автор пьесы постепенно приходит к тому, что счастье человека мало зависит от политического строя, от формы государственного устройства, от господствующей идеологии. Никакая революция, в том числе социалистическая, никакие политические свободы, если они и будут достигнуты в результате революционной борьбы, не в состоянии гарантировать, обеспечить человеку счастье: вернуть страдающим родителям (Борис и Вера) их умершего ребёнка; покинутому, страдающему мужу (Староста) – его ушедшую к другому жену; безнадежно влюблённому красивому, тонкому, благородному человеку (Антон) – объект его поклонения, девушку (Елена), которая не способна оценить его прекрасные человеческие качества – из-за того, что не испытывает к нему равного по силе чувства, а потому бросает его – причём ради ничтожества.

Драма «Изгнанники» отразила не только процессы, происходившие в социалистическом лагере в целом, но и личную усталость и растерянность автора, его собственную душевную и мировоззренческую сумятицу, его разочарование, следствием чего и стало самоубийство.

«Изгнанники» – произведение, без которого нельзя понять в полноте логику жизненной и творческой судьбы амурского писателя, а также причину его добровольного ухода из жизни.

Литература

1. *Босяк* [Чудаков Ф.]. Пережитое: стихи. Благовещенск : Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.
2. Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. 18 с.
3. Изгнанники (Картины из жизни в ссылке): посмертная пьеса Ф.И. Чудакова. Благовещенск : Издание Дмитрия Чудакова, 1918. 83 с.
4. *К. Рез.* [Чудаков Ф.] Е.Н. Чириков // Эхо. 1911. 17 февраля. С. 2.
5. *Кузьма Резниченко* [Чудаков Ф.]. Беда (гл. III из повести «Диана Кедровская») // Амурское эхо. 1917. № 558. С. 2.
6. *Кузьма Резниченко* [Чудаков Ф.]. Лицом к лицу (гл. XII из повести «Диана Кедровская») // Амурское эхо. 1917. № 569. С. 2.
7. *М. К-в* [Катаев М.Х.] Фёдор Иванович Чудаков: биографические штрихи // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 17–18.
8. *Урманов А.В.* Амурский Саша Чёрный (О Фёдоре Ивановиче Чудакове) // Филологическая регионалистика: научный и информационно-аналитический журнал. Тамбов. 2009. № 1–2. С. 42–56.
9. *Урманов А.В.* Чудаков Фёдор Иванович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. С. 423–428.